Рабин Оскар

1.7.95.

Оскар **РАБИН**: Моск. комсомолец - 1995 - 1 июля - с. 2.

БУЛЬДОЗЕРНАЯ ВЫСТАВКА — ИМЕННО ТО, ЧТО НУЖНО ПАРИЖУ

“На государство, как на погоду, обижаться бесполезно”

Оскар Рабин родился в 1928 году в Москве. Его первым учителем живописи был художник и поэт Евгений Кропивницкий. Впоследствии дочь Евгения Кропивницкого — художница Валентина Кропивницкая, стала женой Оскара Рабина.

В Риге, в 1946 году, Рабин поступил в Академию художеств, но ушел оттуда в 1948 году и, вернувшись в Москву, учился в художественном институте им. Сурикова.

В поселке Лианозово под Москвой, где до 1964 года жил Оскар Рабин, вокруг него сложилась “Лианозовская группа”, объединившая многих замечательных художников.

За выступления в защиту свободы творчества Рабин неоднократно подвергался преследованиям, а в 1978 году был лишен советского гражданства.

Сейчас Оскар Рабин живет в Париже.

(Из каталога к выставке в Русском музее в 1993 году)

...Его дом мы искали полчаса, не меньше. На узенькой rue Quincampoux в двух шагах от Бобура — Центра Помпиду, номер 22 мистическим образом ускользал в апрельские сумерки. Наконец любезная парижанка с непременной собачкой ткнула нас носом в деревянную дверь с металлическим кольцом. Голос хозяина из домофона, две двери, лифт — и мы в парижской мастерской-квартире “бульдозерщика номер один”, легендарного сумрачного символа советского андеграунда 70-х **Оскара Рабина**.

Нас ждут, нам рады — и в назидание прижимистым французам на столе возникает маленький, но выразительный натюрморт с водочкой (но без селедки и “Правды”), пивком, оливками и орехами, который мы плавно дополняем бутылкой “бургундского” и плиткой настоящего волжского шоколада.

Но пиршество — потом. Рюмка за знакомство — и к картинам. Перехватив наш взгляд на мольберт (там досыхает мрачный пейзаж набережной Сены), Оскар Яковлевич начинает тасовать холсты, как колоду карт. Скандальный триптих “Виза на кладбище” (выставлялась недавно впервые в нашем посольстве). “Безопасная бритва “Россия”. “Русский пейзаж с парижским адресом”. Знаменитая серия “Селедок”... “Красная мясорубка” (картина написана вскоре после трагической гибели сына художника в январе этого года). Наконец, восхитительно-шокирующая, темная, как всегда у Рабина, “Благодарность Франции”. — мусор на фоне Эйфеля, и пьяные завалившиеся буквы образуют любезное “merci”...

— За семнадцать лет жизни в Париже всего несколько чисто “французских” сюжетов — не маловато ли, Оскар Яковлевич?

— Трудно Париж дается — его уже столько гениев изрисовало. Потом нельзя понять по обилию красоты — а что тут, собственно, главное.

Невозможно все время любоваться Парижем. Поэтому мы с женой наслаждаемся, когда попадаем на природу. Деревья, травка, цветочки. Садимся в Шатле на скоростное метро R.E.R. — и в лес. Собираем грибы осенью в замечательном месте Жанн-Орле. Может, белых много не найдешь, но разных чернушек, там, свинушек — этого сколько угодно. Солим.

— Вам повезло в жизни по гамбургскому счету?

— Мне очень трудно ответить. Наверное, только в одном: у меня оказались какие-то способности к живописи. Хотя половину жизни приходилось заниматься и еще кое-чем... Только последнюю пару-тройку десятков лет и в России, и здесь я живу на свои картины. В этом смысле считаю, что повезло. Живопись — единственное, что я хоть сколько-нибудь умею делать. И то, что мне хочется делать.

— Чем была для вас “бульдозерная” выставка 74-го года? Политической акцией?

— Все наше существование тогда было политической акцией — потому что система и власти так решили.

Каждый художник или обыкновенный гражданин, кто чуть-чуть думал не так, как было предписано, становился антисоветчиком в той или иной степени. При Сталине, конечно, реакция на это была серьезнее. В наше время, как правило, художников не сажали, хотя кое-кто и отсидел. Их ругали в газетах, называли подонками, прихвостнями и бог знает кем за их абстрактные или, как у меня, “социальные” картины. Все это считалось тогда политической акцией. Но дело в том, что у меня и сейчас много черной краски.

— Действительно, удивительно: ваша палитра за эти годы практически не изменилась...

— А дело в том, что у каждого человека душа устроена раз и навсегда. Если у вас широкий диапазон, вы можете и тенором петь, и басом и еще как-то — ну слава богу, и прекрасно. Но не все это могут. Вот у меня такой диапазон, узкий...

— Минорный?

— Да, наверное. Это от склада характера. Поэтому я никогда не мог написать и уже не напишу картину, как Матисс, где солнышко, жизнь, энергия, красные кони... Думаю, что Матисс тоже никогда бы не написал мои картины.

— Но у него не было и ваших коллизий. Оскар Яковлевич, как вы, человек, чрезвычайно далекий от всякой политики, оказались вовлечены в такие политические страсти?..

— Вы знаете, когда вас возьмут за горло...

— А вас брали?

— В общем да. И не только меня. Правда, не так, как во времена Сталина. Но поскольку в 74-м международная обстановка была другая, и уже считались и с мнением Запада (налаживалась торговля), то и выглядело это по-другому.

Конечно, надо было расправиться. Но в истории с бульдозерной уже участвовали западные корреспонденты. Получилась такая огласка, что наверху решили, что лучше все спустить на тормозах. Дать этим дурацким художникам какую-то возможность чуть-чуть выставиться, потом вообще прибрать их к рукам, легализовать...

— А со стороны коллег, работавших в ортодоксальной реалистической манере, не наблюдалась зависть — ведь вам все внимание, вся слава?

— Понимаете, завидовать тогда было несколько опасно. Потому что, между прочим, могли и посадить. А уж морду набить — запросто.

— Но вы-то прославились?

— Не каждая слава хороша. Потому что в результате этой славы пришлось уехать в Париж.

— Как это произошло? Кто был инициатором вашей эмиграции?

— Власти — и не только в отношении меня. Точнее, КГБ, руководимое Андроповым, у которого был имидж поэта.

Не хочу сказать, что я уж такой принципиальный человек со взглядами, за которые полезу на баррикады... Нет, я все-таки скорее уступлю, наверное. Когда-то можно пойти на компромисс, а когда-то — упрешься непонятно почему.

Но вот тогда такая коса нашла на камень. Уговаривали, грозили... по отношению к семье. Телефонная травля круглые сутки — такую чушь пороли. Среди знакомых оказывались странные люди. Не хочется все это вспоминать, противно. **(Он морщится. И я вижу, что Рабину действительно неприятно ворошить прошлое.)**

— Обиды на державу не таите?

— Ну как может один человек обижаться на государство, на систему? Если бы мне кто-то в морду дал — я, может быть, и обижался. Но ведь это не лично! Это вообще судьба всего народа. И не только моего поколения.

Что значит обижаться? Вот вы обижаетесь, что доллар сейчас стоит 5 тысяч восемь рублей? На погоду? Я знал, что это акция не лично по отношению ко мне. Мне, скорее, хотели хорошего, когда вынудили уехать. Все-таки Париж лучше, чем Колыма.

— А как насчет трепетной души художника, ностальгирующей по “грязной России”?

— Понимаете, это неодинаково для всех. Бунин мог прекрасно писать в эмиграции. Не говоря уже о Гоголе, Тургеневе... Они могли жить во Франции, в Италии на виллах и вовсю... описывать русские деревни. А кто-то никак не мог без родного пейзажа. Например, Куприн. И с художниками такая история. Например, Бакст из “Мира искусств”. Только мировая слава к нему здесь пришла. Кандинский прекрасно мог здесь писать. Шагал... А Коровин ничего не мог. Только на продажу что-то писал...

У меня сложно было. Очень много времени понадобилось, чтобы прийти в себя, разобраться. Вся моя психология, язык — все русское.

На фоне вечности снимается семейство... Валентина КРОПИВНИЦКАЯ и Оскар РАБИН.

“Его картины меня поразили. Русская экспрессионистская живопись. Плотный, глухой, красочный слой охристых и каштановых тонов. Рабин накладывал одну краску на другую, что придавало его живописи иллюзорно-перспективную оригинальность. Его мир был населен русскими символами и товарными знаками, среди которых нередко присутствовала водочная этикетка. Но, присмотревшись внимательно, перешагнув через тоску, молчание, строгость, ты проникаешь в мир этого художника, несущего в себе свободу живописи, которую он умеет защитить, и чьим защитником — одним из главных — он впоследствии станет...”

(Дина Верни, французский искусствовед и коллекционер.)

Оскар РАБИН. “Русский Поп - арт № 3”

— Но сами-то считаете себя художником французским, русским или еврейским?

— Вообще художником. И еврейским тоже, конечно. Но это еврейство независимое какое-то... Я даже в Израиле ни разу не был... Тем не менее половину еврейства в себе (хотя и по отцу) я все-таки чувствую. И в работах это есть. Но культивировать и подчеркивать тоже не хочу.

Француз... Ну поскольку я в Париже живу, наверное, французский подданный. Только в таком смысле. Но не в традициях французского искусства.

— Чего вам все-таки у французов не хватает?

— А мне всего хватает. И у немцев, и у американцев, и у голландцев. Я ничего плохого в них не вижу. Но в Париже просто симпатично жить. Город для людей удобно устроен. Потом традиции — здесь всегда жили художники и поэты. Даже если им было плохо.

— Теперь разговариваете по-французски?

— Когда мне необходимо, я объясняюсь. Если хотят, меня поймут. Но иногда могу “черное” понять как “белое”. Прямо наоборот. Нет, никогда французский моим родным языком не будет. У меня способностей нет, у жены еще меньше.

— Но это не мешает вашей высокой творческой продуктивности здесь?

— Конечно. Вообще, честно говоря, здесь больше делать нечего. Если тут еще не работать, то только повеситься. Тут “бульдозерную” выставку не устроишь. А может, и стоило бы. Потому что в искусстве здесь тоже далеко не все благополучно. Застой хуже, чем с тем соцреализмом. Вот Бранкузи — конечно, я понимаю, что это замечательный скульптор XX века, который выставлен в Бобуре, на пятом этаже — там очень почетно. Но мне даже не хочется идти. У меня ощущение, что это те же мещанские слоники на комоде, которые были в XIX веке. Настолько невыразительно. Отполировано, блестит, навязчиво лезет в глаза... За красивой формой, которой многие подражают, я лично ничего не вижу... Эти формальные находки в свое время были хороши.

— Говорят, на наше искусство мода тоже прошла?

— Никакой собственно моды и не было. Вся мода — это единственный аукцион “Сотсби”, и все. Подобных продаж потом уже не было. Хотя мы очень надеялись. Но ни “Кристи”, ни “Сотсби” не согласились больше поддерживать наших художников.

Так что еще пока интереса не было по-настоящему. Но, может быть, будет. Вот американцы заинтересовались. В октябре в Нью-Йорке открывается выставка художников еврейского происхождения, которую готовит Еврейский музей уже два года.Вообще же наш век — век торжества западного и американского искусства. Русское признали потом, задним числом.

— Но вы-то тогда на что здесь живете? Двухэтажная мастерская-квартира в центре Парижа — это ведь круто? Работы неплохо продаются?

— У нас с женой никогда не было постоянных покупателей. Наши работы в основном коллекционируют частные лица — по старой памяти. Иногда покупают и в галереи — не густо, но нам на жизнь хватает. Хотя замечу, что живопись в Париже — дорогое удовольствие. Да и район наш не из дешевых. Но квартиру арендуем со скидкой — помогает Министерство культуры Франции. Главное, что пока работаю. А признание — вещь, конечно, приятная — вот и “Паспорт”, написанный еще в России, висит сейчас в парижском музее Дины Верни. А там выставляют классиков...

— Эмигрантом себя не ощущаете?

— В более широком смысле, а не в смысле “третьей волны”. Все мы на этой земле эмигранты. Конечно, шовинисты, ненавидящие иностранцев, везде есть — и во Франции, и в России. Я не знаю, дает ли право рождения право на землю... Есть ведь везде полукровки, таких огромное количество. Есть такие нации, у которых своей страны нет. А они кому могут сказать: вон отсюда? Это принцип джунглей. Все мы на земле родимся, так она наша или нет?

— Значит, вы по натуре космополит?

— Я вынужден быть таким. В России родился, но! Мать у меня латышка, отец, повторяю, еврей, а сам знаю только русскую культуру и русский язык и ничего другого.

Может, в Америке, более цивилизованной стране, куда собирается переехать из Москвы дочь Катя с семьей, мы бы почувствовали себя рано или поздно американцами.

А так — я везде гость. Или вся земля моя, или ничего.

— В 93-м в Русском музее с огромным успехом прошли ваша и Валентины Кропивницкой персональные выставки. Вы даже подарили музею, как и Третьяковке, несколько работ. А что дальше? Будет, например, продолжение “романа” с Третьяковкой?

— Вряд ли. С Русским музеем действительно получилось великолепно, он нас очень хорошо принимал. В Третьяковке нам рады тоже, но денег у них нет, говорят — ищите спонсора. Где мы будем его искать? На улице?

— Думаете вернуться в Россию?

— Я бы поехал домой, но не просто так. Мы уже стары, возраст не тот, чтобы радоваться и праздновать, например, юбилей “бульдозерной”.

В России сейчас требуются энергичные, активные люди. Кому нужны беспомощные старики, у которых в принципе ничего нет? Которые за жизнь ничего не нажили? Кому мы нужны сегодня в стране, где сейчас, скажем так, повышенный интерес к деньгам, к благосостоянию? А у вас именно такой сейчас критерий.

Поэтому мы с женой так для себя и решили — как нам Бог даст. Выйдет, что нам при-